

28.12.93

Есенин Сергей

Я знаю, грусть не утопить в вине

Колл. правда. - 1993. - 28 дек. - С.2.

Сначала — только факты. 26 ноября 1925 года 30-летний Сергей Есенин, сдавшись на уговоры родных, ложится на двухмесячный курс лечения в психиатрическую клинику.

21 декабря он прерывает лечение. И, несмотря на просьбы врача и родных, покидает больницу.

23 декабря Есенин уезжает в Ленинград и поселяется там в гостинице «Интернационал» (бывшей «Англер»).

27 декабря он пишет знаменитое «До свиданья, мой друг, до свиданья...» Стихотворение, начертанное собственной кровью, он вручает поэту Вольфу Эрлиху.

28 декабря утром Сергея Александровича Есенина находят в гостиничном номере повесившимся на угловую трубу парового отопления.

Трагическая цепочка этих событий с той или иной степенью подробности была известна всегда. И, как подавляющее большинство исторических свидетельств, она не подвергалась сомнению.

Но вот настали разоблачительные годы перестройки.

Сначала нам преподнесли миф о таинственных заговорщиках, убивших великого поэта. Потом авторы этой версии вступили друг с другом в полемику по поводу того, кто же мог это сделать. Одни утверждали, что Есенина убили членавшие его большевики-сионисты. Другие доказывали, что убийство поэта — дело рук Сталина.

В 1991 году директор НИИ судебной медицины А. Громов и доктор медицинских наук Б. Свадовский заявили, что «самоубийство поэта — не версия, а факт». Сделала выводы и судебно-медицинская экспертиза. Комиссия пришла к заключению, что, во-первых, автограф стихотворения «До свиданья, мой друг, до свиданья...» действительно сделан Есениным кровью (для этого потребовались сотые доли грамма крови). И, во-вторых, нет никаких оснований отвергать вывод судебно-медицинского эксперта 20-х годов о самоубийстве поэта.

Однако во взаимоотношениях Есенина с властями и в самом деле было немало противоречивого. Взаимоотношения эти, как чаще всего и слушается, были далеки от примитивной черно-белой схемы. Подтверждение тому — весьма любопытный документ, на

*Мне осталась
одна забава:
Пальцы в рот —
и веселый свист.
Прокатилась
дурная слава,
Что похабник
я и скандалист*

Сергей ЕСЕНИН.
1923 год.

который я случайно наткнулся в архиве. Документ — рукописное послание одного из видных партийных деятелей Х. Г. Раковского председателю ОГПУ Ф. Э. Дзержинскому — до сих пор не публиковался. Но, прежде чем привести его целиком, я хотел бы вернуться к более ранним исследованиям взаимоотношений Поэта и Власти.

В 1917—1918 годах Есенин был чрезвычайно увлечен революционными лозунгами. Достаточно прочесть его стихи «Капитан земли», «Русь уходящая», «Баллада о 26», «Ленин», чтобы поверить словам в автобиографии, что он «со всеми устоями на советской платформе». А вот в атмосфере изна — стихии рынка, сочетающейся с монопольной властью коммунистической партии — поэту явно было душно.

Отсюда и многочисленные резкости в адрес властей, о которых рассказывают мемуаристы. Но Фрондерство Есенина не было глубоким. Он приветствовал со многими известными партийными деятелями — С. М. Кировым, П. И. Чагиным. А идеальным, за-конченным типом человека считал Троцкого (по свиде-

тельству В. Ф. Наседкина — мужа его сестры).

Не секрет, что у Есенина в последние годы жизни развивалась болезнь — алкоголизм. В медицинском заключении психиатрической клиники 1-го Московского университета от 24 марта 1924 года говорилось, что он «страдает тяжелым нервно-психическим заболеванием, выражющимся в тяжелых приступах расстройства настроения и навязчивых мыслях и влечениях». В 1925 году летом, как вспоминал Наседкин, в родном Константинове «он был совершенно невменяем», «усиливалась мания преследования», «больше всего боялся милиции и суда».

«Сильные мира» принимают меры. Поэт-эмигрант В. Ходасевич вспоминал, что относительно... Есенина был «отдан в 1924 г. приказ по милиции — доставлять в участок для вытрезвления и отпускать, не давая делу дальнейшего хода. Вскоре все милиционеры центральных участков знали Есенина в лицо.

Воронский писал в предисловии к 1-му тому собрания сочинений поэта: «Из года в год сквозь пальцы смотрели

на такие поступки Есенина, которые для других никогда не прошли бы бесследно. Речь идет об его скандалах, правда, в пьяном, т. е. больном состоянии. Есенину это сходило, так как его берегли и знали, что он — «неповторимый цветок» и что он болен».

Неудивительно, что историкам, знакомым со всеми этими фактами, просто нелепым кажется неизвестно откуда взявшиеся «откровения» о том, что в начале 1924 года «Есенин переходит на нелегальное положение, скрываясь от взятия его под стражу», что «его ищут судебные исполнители, его выселяют милиция». Ищут человека, который всегда на виду в Москве, ездят в Баку, где его опекает партийный работник Чагин, редактор газеты «Бакинский рабочий»? Понимая нелепость этой ситуации, один из современных «исследователей» глубокомысленно изрекает: «Только знакомство с архивными документами ГПУ позволит выяснить, почему он был арестован».

Но вот знакомство с этими документами состоялось. Письмо, о котором я упоминал выше, найдено во время работы с фондом Дзержинского. Написано оно 25 октября 1925 года в поезде по дороге в Париж. Автор письма Х. Г. Раковский накануне был назначен послом во Францию.

Дорогой Феликс Эдмундович!

Пропшу Вас оказать нам содействие — Воронскому и мне, чтобы спасти жизнь известного поэта Есенина — несомнению самого талантливого в нашем Союзе.

Он находится в очень развитой стадии туберкулеза (захвачены оба легкие, температура по вечерам и пр.). Найти куда его послать на лечение нетрудно. Ему уже предоставлено место в Надеждинском санатории под Москвой, но несчастье в том, что он вследствие своего хулиганского характера в пыльнице не поддается никакому врачебному воздействию.

Мы решили, что единственное еще остающееся средство заставить его лечиться — это Вы. Пригласите его к себе, пронесите хорошенко и отправьте вместе с ним в санаторий товарища из ГПУ, который не давал бы ему пьянствовать. Жаль парня, жаль его таланта, молодости. Он

много еще мог дать не только благодаря своим необыкновенным дарованиям, но и потому, что, будучи сам крестьянином, хорошо знает крестьянскую среду.

Х. Раковский.

Большинство биографов о туберкулезе Есенина не упоминают. Но наличие чахотки у поэта отмечает Наседкин. По его воспоминаниям, заболел Сергей Александрович весной 1925 года, находясь в Баку. После прогулки в горах на автомобиле на следующий день горлом пошла кровь. Врачи, вызванные Чагиным, вынесли приговор: «Если не бросишь пить, через три месяца — смерть».

Пока у нас нет достоверных сведений о том, был ли Есенин у Дзержинского. Но на подлиннике письма есть надпись председателя ОГПУ своему секретарю: «т. Герсону. М. б., Вы могли бы заняться? Ф. Д.» И не очень разборчивая пометка секретаря: «Эвонил... найти Есенина».

Документ свидетельствует, что до самой смерти отношения Власти к Поэту было достаточно благожелательными. Это подтверждают и некрологи в центральных газетах, и торжественные заседания с участием официальных лиц, и издание воспоминаний о нем, и выход собрания сочинений.

Только потом, почти через год после смерти поэта, началась кампания по «развенчанию Есенина».

В стране бушевала эпидемия хулиганства, долгое время почти безнаказанного. Осенью 1926 года власть начала целенаправленную борьбу с ним, придав ей, как и полагалось, политический характер. Вот тут-то на роль «певца хулиганства» и пригодился Есенин. 6 сентября в Москве прошло совещание по борьбе с хулиганством. А уже 19 сентября в «Правде» появилась статья известного партийного публициста Л. Сосновского «Развенчайте хулиганство», бичующая Есенина. После публикации же «Злых заметок» Бухарина — члена Политбюро, главного редактора «Правды», официального идеолога тогдашней Системы — власть надолго сохранила враждебное отношение к Поэту.

Владлен ИЗМОЗИК,
кандидат исторических наук.